

В. Е. Возгрип

**ИСЧЕЗНУВШИЕ ОСТРОВА
(СКАНДИНАВСКАЯ ВЕСТ-ИНДИЯ)***

Возникновение, расцвет и упадок скандинавского колониализма тесно связаны и во многом напоминают соответствующие процессы в истории других европейских стран. Тем не менее колониальное прошлое Дании и Швеции имело лишь ему присущие черты, своеобразность которых наиболее четко проступает при отдельном рассмотрении истории обеих стран в этом аспекте.

Известно, что датская компания Вест-Индия для заокеанской торговли в Новом Свете по своей прибыльности стали идеалом для европейских купцов и предпринимателей XVII в. В 1621 г. была учреждена голландская Вест-Индская компания, чьи доходы быстро стали общеизвестными. В Скандинавии внимание на этот источник денег первым обратили датчане — конкретно Кристиан IV (1588–1648), постоянно нуждавшийся в средствах на бесконечные войны и обширное дворцовое строительство. Через три года он отправил вместе с голландским караваном, направлявшимся в Вест-Индию, и пару датских судов. Этот опыт оказался удачным, и еще через год король издает патент

* Работа выполнена в рамках проекта Федерального агентства по образованию, Мероприятие № 1 аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006–2008 г.)», тематический план НИР СПбГУ, тема № 7.1.08 «Исследование закономерностей генезиса, эволюции, дискурсивных и политических практик в полинациональных общностях».

на создание датской Вест-Индской компании. Впрочем, пока это не привело ни к каким результатам.

Лишь в 1652 г., после долгого перерыва, удачно завершился рейс датского торгового судна к берегам Вест-Индии. «Фортуна» доставила в Копенгаген колониальные товары, принесла немалую прибыль ее владельцам и казне. Это и стало побудительной причиной для основания в том же году Карибской компании, созданной предпринимателем Я. Виллумом и несколькими его коллегами.

Но для успешной коммерции нужна была точка опоры, и выбор пал на остров Св. Фомы (один из Виргинских островов, ныне Сент-Томас). Ранее он принадлежал испанцам, потом голландцам, но это обладание со временем стало чисто формальным — в середине XVII в. они не имели там даже своей администрации. Поскольку остров был «бесхозным», датчане стали заселять его явочным порядком, и в 1666 г. над ним взвился датский флаг. Собственно, там имелись жители европейского происхождения, однако они никому не подчинялись. Теперь пастор Къельд Йенсен Слагельсе привел их к присяге верности государю Датско-Норвежского Королевства.

Остров прекрасно подходил для предназначенной ему роли, так как обладал обширной, защищенной от океанских штормов бухтой, вполне годившейся для оборудования здесь портового хозяйства. Но освоение богатств острова Св. Фомы шло медленно, с перерывами. Остров был покрыт лесом, который перед устройством плантаций необходимо было вырубать или выжигать. Немногочисленные колонисты страдали местными болезнями, многие умирали. Кроме того, их постоянно беспокоили английские пираты. Наконец колонисты предпочли вернуться на родину, а остров стал на три года прибежищем морских разбойников. В 1671 г. Кристиан V (1746–1766) передает его в распоряжение второй Королевской датской Вест-Индской компании, образованной специально для эксплуатации этой колонии¹.

Для предстоящей экспедиции было выделено два военных корабля, а губернатором острова назначается датский чиновник Йорген Иверсен Дюббёль. Вскоре здесь уже был построен крупный порт, а губернатор обеспечил регулярный ввоз на Св. Фому черных рабов для использования их труда

на плантациях сахарного тростника. Поскольку смертность рабов, возделывавших плантации, была чрезвычайно высокой, то, хотя бы для поддержания стабильного контингента рабочей силы, ежегодно приходилось ввозить до 1/5 новых африканских невольников². Их поставкой занималась Датско-Африканская компания, скупавшая для этого рабов в Гвинею³. В 1675 г. губернатор Й. И. Дюббёль присоединяет к датским владениям расположенный недалеко от Св. Фомы необитаемый остров Сен-Жан (ныне о. Сент-Джон). Укрепление Кристиансфорт на Св. Фоме к этому времени превратилось в типично датский городок (многие старинные строения на нем сохранились доныне). Это колониальное поселение получило новое имя в честь королевы Дании: Шарлотта-Амалия.

Со временем тростниковый сахар приобрел в колониальной экономике Дании важное значение. В отличие от американских табака и кофе, сахарный тростник происходил из Южной Азии, а на островах близ Американского континента он был культивирован европейцами. И уже в XVII в. именно оттуда Дания получала основную часть этого ценного продукта. В XVIII в. основные плантации тростника находились на о. Св. Фомы, являясь важнейшим экспортным товаром колонии. Кроме того, оттуда вывозились табак и хлопок; в обратном направлении шли зерно, средства производства и другие товары европейского происхождения.

Вначале здесь денежная экономика практически отсутствовала, господствовал простой товарообмен, причем расчетной единицей служил фунт сахара. Так, 1 фунт датского сыра стоил 4 фунта сахара, литр датской водки — 8 фунтов и т. д. Постепенно Св. Фома стал торговым центром для всех близлежащих островов, причем не только датских. Их разноязычные жители получали при этом все товары, которые не могли быть им доставлены из стран Старого Света. И наоборот, они свозили на остров продукцию, которую не было возможности отправить в метрополию, особенно во время войн. Шкипера же датских кораблей, ходивших под нейтральным флагом и обладавших иммунитетом для каперов враждующих сторон, охотно брались за фрахтовые перевозки.

Больших доходов сахарный вывоз колонистам не приносил, главным образом по причине плохого качества товара. Сахар-

сырец был не очищен, часто попорчен соленой водой и корабельными крысами. Поэтому уже при Кристиане IV делались попытки создания установок для рафинирования сырья, но они заработали лишь в 1657 г., да и то не в колонии, а в Копенгагене. Сама торговля с островами велась в скромных размерах. Для снаряжения судна требовались свободные деньги, в которых компании часто ощущали острую нехватку. Поэтому к Св. Фоме отправлялся пока всего один корабль в год⁴. И лишь на рубеже XVII и XVIII вв. в вест-индской торговле наметились перемены к лучшему.

Эти перемены были окончательно закреплены за Данией международными актами лишь в начале правления Кристиана VI. Несколько позже учрежденный в Копенгагене Наличный банк (Kurantbanken) значительно облегчил как валютные операции, так и получение кредитов (ранее Данию обслуживал Гамбургский банк). В Вест-Индии датские промышленники еще в 1717 г. начали закладывать новые сахарные плантации на необитаемом французском острове Сен-Круа (ныне Санта-Крус); но значительно расширить торговлю с островными колониями долго не удавалось, отчего их жители испытывали немалые трудности. Тем не менее в 1733 г. группе предпринимателей во главе с Ф. Хольмстедом удалось выкупить Сен-Круа у французов за 160 000 рд. Расчет строился на экономических перспективах будущего: по размерам остров превосходил совокупную площадь Св. Жана и Св. Фомы, обладая к тому же плодородной почвой.

Со временем прибыли датчан на Вест-Индских островах возросли. Это объяснялось, помимо прочего, условиями жизни, гораздо лучшими, чем в индийских или африканских колониях Дании. Здесь был сухой, более здоровый климат, а особенность сырья позволила наладить безотходное производство сахара. Сок из тростника давили на прессовальных мельницах, затем его сушили и использовали для выпаривания патоки, причем в качестве топлива использовались сухие стебли отжатого тростника. Получался рыхлый, коричневатый сахар-сырец, который рафинировали в Копенгагене. Кроме того, из патоки на Сен-Круа гнали ром, который сбывали в соседние США или отправляли в Гвинею в обмен на рабов.

Доходы королевской казны при этом росли, и компания, как правило, без задержки получала очередную лицензию на моно-

полную торговлю и полную свободу действий на островах. Однако вскоре колонистов поразил непредвиденный удар, подобного которому они никогда ранее не испытывали.

Скупость метрополии по отношению к колониям (экономили даже на количестве солдат, посылаемых для охраны администрации, не говоря уже о солдатском провианте) в какой-то момент поставила под вопрос само существование последних в Вест-Индии. В 1733 г. на острове Сен-Жане вспыхнуло восстание рабов, с которым не смогли справиться немногочисленные датские отряды (белое население в целом составляло лишь 10% от общего числа рабов). Местный форт Фредериксвэрн был взят мятежниками, а его жители перебиты — как и остальное белое население острова. На следующий день войска, прибывшие с острова Св. Фомы, а также вспомогательный французский корпус с Мартиники (на острове были и французские частные плантации), оттеснили восставших в горную часть острова. Но лишь через полгода колонисты смогли начать восстановление сожженных строений и разоренных плантаций⁵.

Между тем оживление экономики Вест-Индских островов в первой трети XVIII в. к середине его сменилось новым упадком. Он был вызван, прежде всего, монопольным правом компании, которое давно уже вызывало недовольство как среди потребителей островов и метрополии, вынужденных покупать товары по монопольно высокой цене, так и колонистов, которым дирекция компании назначала столь же произвольные цены за плоды их труда. Именно эти настроения стали первопричиной планов о национализации компании государством. А когда в начале 1750-х гг. колонии поразили неурожайные годы, то ни в руководстве компании, ни среди ее акционеров не нашлось противников такого решения проблемы. Что же касается датского правительства, то и здесь нашлось немало сторонников установления более жесткого централизованного контроля над островной экономикой.

Наконец, имелись планы превращения Копенгагена в главный северо-европейский центр рафинирования и перепродажи сахара, а портового города Шарлотты-Амалии — в ведущий коммерческий (в том числе и транзитный) пункт для обслуживания океанской торговли между Европой, Вест-Индией и Северной Америкой. По совокупности перечисленных причин

в 1755 г. датские Вест-Индские острова переходят в безраздельную собственность государства и тут же становятся зоной свободной торговли. При этом компания получила компенсацию в 22 бочонка золота, что равнялось 2 240 000 рд⁶. Формально острова превратились в часть Датского Королевства, верховная власть на них была передана генерал-губернатору, а гражданское управление — государственным чиновникам-амтманам, как это было в самой Дании.

При этом в Вест-Индии торговая монополия компаний ликвидируется — совершенно в духе фритредерства. В 1764 г. Шарлотта-Амалия становится главным центром островной коммерции. Именно сюда доставляют рабов из Гвинеи, отсюда отгружается сахар, здесь идет перевалка грузов, доставлявшихся из стран — участниц той или иной войны, на датские нейтральные суда. Это, прежде всего, кофе, табак, хлопчатобумажные ткани и индиго — всё из американских владений французской короны. Отсюда же европейские товары распределяются на другие острова архипелага. Была достигнута и первая из целей вышеупомянутого плана — в 1790 г. Копенгаген по объему торговых операций уже занимал почетное второе (после Лондона) место среди коммерческих центров Европы.

Дальнейшему развитию колониальной промышленности Вест-Индии содействовал стабильный спрос на сахар в Европе, а в середине XVIII в. цены на этом рынке скачкообразно подскочили. Поэтому плантации ширились, как и ввоз рабов, и вывоз продукции. Так, за 1755–1764 гг. экспорт сахара из Сен-Круа возрос более чем в 10 раз. И если до того к островам приходило 3–4 судна в год, то в 1766 г. из Копенгагена сюда было отправлено 36 судов, груженных 23 600 бочками сахара. За этот же период число рабов на островах удвоилось, достигнув 17 000 человек⁷.

Впрочем, на положении рабов эти перемены никак не сказались, и в 1759 г. на острове Сен-Круа вспыхивает новое восстание, жестоко подавленное. Как только порт на острове Св. Фомы объявляется свободной гаванью (1764), вооруженные силы датских Виргинских островов получают подкрепление, правда в количестве всего лишь двух пехотных рот⁸.

Очевидно, необходим небольшой экскурс в историю датской работорговли этого периода. Во время всех упомянутых дра-

матических событий, да и позже, никаких мер по облегчению положения рабов проведено не было. Наоборот, в 1765 г. крупный копенгагенский купец Хеннинг Баргум основывает новую компанию — Общество работорговли (Slavehandels societeten), которое должно было существенно содействовать расширению этого вида коммерции⁹.

И лишь в 1792 г. в отношении работорговли в Дании начинается своего рода переходный период. По инициативе министра финансов графа Э. Шиммельмана, опиравшегося на тогдашнюю творческую интеллигенцию, обсуждение этой проблемы широко велось в датской прессе. В результате король издает постановление, запрещающее ввоз рабов в колонии и метрополию. С другой стороны, оно должно вступить в силу лишь через 10 лет, а пока казна выделяет с этой целью крупные кредиты для плантаторов Вест-Индии, так что они по-прежнему могут обеспечить себя рабочей силой. Что же касается эксплуатации рабов и условий их жизни в целом, то здесь абсолютно ничего не изменилось — и в 1790-х гг., и позже на островах Вест-Индии велась «внутренняя» торговля «черным деревом», нередко при этом цветные семьи насильственно разлучали и т. п. Единственной переменной в первые годы XIX в. стало прекращение использования на плантациях труда беременных рабынь. Причины понятны. Во-первых, дети цветных вскоре должны были стать единственным источником возобновления рабочей силы, а во-вторых, всё более сказывалось влияние общественного мнения в самой метрополии — наступал век гуманизма¹⁰.

Но вернемся в середину XVIII в., когда датские острова Вест-Индии получили фритредерское право и перешли в собственность государства. После этого производство сахара резко увеличилось. Если во время перехода колонии к новым коммерческим законам (1755) стоимость этого продукта, доставленного в Данию, не превышала 100 000 рд, то уже через 11 лет она возросла до 2,5 миллиона рд¹¹. Это обильное поступление сырья благоприятно сказалось на структуре экономики метрополии. В Дании создаются один за другим сахарные заводы, где сырец рафинируют, в том числе для продажи за рубеж, главным образом в европейские страны. Появляются крупные предприниматели вроде упомянутого графа Э. Шиммельмана,

как скупающие плантации в Вест-Индии, так и строящие сахарные заводы в Дании.

Однако этот расцвет колониальной экономики имел и свои темные стороны. Датские корабли, отправлявшиеся в Вест-Индию, были обязаны брать с собой продуктовые грузы лишь отечественного происхождения. Но при этом образовывался относительный избыток датско-норвежских продуктов, появлялся соблазн продавать их на сторону. Поэтому в 1764 г. ответственность за снабжение колоний была возложена на владельцев плантаций, причем вся доставка товара должна была осуществляться на датских судах. Дозволялся и прием иностранной продукции (за сравнительно небольшую пошлину в 5%), но зато для покрытия этого расхода можно было часть сахара вывезить в Америку.

Поэтому через некоторое время в полном соответствии с законом конкуренции почти весь ввоз на острова стал обеспечиваться кем угодно, кроме Дании, — как и вывоз, в том числе и капитала. Так, если из Копенгагена в Вест-Индию в 1763 г. было вывезено товара на 186 000 рд, то через 6 лет — всего 32 000 рд¹². Это объяснялось тем, что, в отличие от Дании, Голландия предоставляла колонистам выгодные кредиты для нужд плантаций, а за это большая часть вест-индского сахара шла напрямую в Амстердам. Такое падение колониальных доходов нужно было как-то остановить, — и в 1777 г. правительство Кристиана VII (1766–1808) практически ликвидировало для островов статус франко-порто. Отныне вся торговля и мореплавание колоний становились монополией даже не Дании, а исключительно Копенгагена — для удобства контроля. Таким образом, для крупного торгового капитала Дании были созданы все условия к использованию высокого конъюнктурного спроса, создавшегося в странах Атлантики с началом американской Войны за независимость 1775–1783 гг.

Впрочем, почва для этого экономического успеха была создана несколько ранее. По ряду причин в королевстве началась инфляция. Явление это считается губительным для благосостояния обычных потребителей — но не всегда для крупных предпринимателей. Сконцентрировав в своих руках крупные суммы «новых» денег, они пустили их в оборот там, где датский ригсдалер еще ценили по-старому. То есть в судостроение

за рубежом и в Норвегии. Целью увеличения тоннажа были рыбный и китобойный промысел, ставший особенно выгодным в начале 1770-х гг., но вскоре корабли пригодились для куда более прибыльного использования.

С началом Американской войны за независимость традиционно нейтральная Дания не в первый и не в последний раз с выгодой использовала этот свой статус. Перевозки грузов воюющих стран давали прекрасную прибыль в условиях, когда весь флот последних неподвижно стоял в своих портах, опасаясь многочисленных каперов противника — ситуация известная. С началом войны датский флот стал расти еще быстрее, так как воюющие страны, пытаясь избавиться от бесполезных и приносящих убыток судов, сбывали их нейтралам по бросовой цене. Достаточно сказать, что общий тоннаж кораблей под датским флагом с 1766 до 1784 г. почти утроился, а копенгагенский порт пришлось срочно расширять — имевшейся причальной стенки и складских помещений стало катастрофически не хватать¹³.

В 1778 г. государство приняло еще более деятельное участие в разделе прибылей военного времени, организовав Вест-Индское торговое общество, пользовавшееся массой преимуществ, важнейшими из которых была свобода от налогов и пошлин, бесплатное использование казенных пакгаузов, причалов и пр. Оно имело статус открытой акционерной компании, но основной пакет принадлежал королю — из 500 000 рд, которые стоил совокупный пакет акций, доля монарха составляла 200 000 рд — ответственными были и его доходы. Он же назначал директоров Общества, определявших экономическую политику последнего.

При этом в грузообороте Общества доминировал ввоз и вывоз именно вест-индских товаров. Их стоимость в 1782 г. составляла никогда не бывалую сумму в 2,7 миллиона рд из общей в 3,1 млн¹⁴. Эти цифры показывают, что основной частью грузов, обрабатывавшихся в главном порте страны, были транзитные товары, поступавшие именно из вест-индской колонии или отгружавшиеся туда. То есть это были грузы, принадлежавшие колониям воюющих стран, таким путем пытавшихся сохранить необходимую для них связь с европейскими рынками.

Отсюда нетрудно сделать вывод, что вест-индские владения Дании сыграли выдающуюся роль в пору, которая в датской

историографии носит имя «Блестящего торгового периода» (Den glimrende Handelsperiode). Причем заслуженно — далекая колония содействовала бурному росту имперского коммерческого мореплавания и уникальному подъему национальной денежной экономики. А также превращению довольно скромного по европейским масштабам Копенгагена с его небольшой гаванью в торговый порт мирового значения.

К этим годам относится начало многолетней эпопеи шведского колониализма в Вест-Индии. Его история с самого начала оказалась переплетенной с событиями во Франции второй половины XVIII в. В эту непростую для обеих держав эпоху Швеция и Франция тесно сотрудничали. Так, в 1779 г. шведский флот (12 линейных кораблей и 14 фрегатов) доставил в Америку крупную группу французских добровольцев, желавших участвовать в Войне за независимость; со своей стороны французы изредка помогали Стокгольму деньгами. Можно сделать вывод об основных мотивах шведско-французской дружбы тех лет: Франция нуждалась в политической и военно-морской поддержке Швеции, а последняя — в денежных субсидиях французской казны.

После окончания американской Войны за независимость в 1779 г. в Париж был послан видный шведский дипломат граф Аксель Ферзен Младший, в инструкции которого значилось: купить у французов любой остров близ берегов Америки, причем за любые деньги. Для Густава III это было необходимо по двум причинам. Во-первых, остров мог стать опорным пунктом и военно-морской базой для действий в Новом Свете, неизбежность которых в будущем была ясна всем. Во-вторых, даже небольшое владение в регионе Карибского моря поставило бы Швецию на равную ногу с великими европейскими державами, имевшими колонии в Вест-Индии. Однако план этот провалился. Шведский посланник с задачей своей не справился.

Тогда Стокгольм снова предложил Франции свой военный флот для использования его в борьбе с Англией, а в качестве оплаты этой услуги французы должны были передать Швеции какой-нибудь остров, захваченный ими в Новом Свете у англичан. Такое соглашение было в 1783 г. заключено, и шведам был предложен остров Святого Варфоломея (*фр.* Сен-Бартелеми) — один из принадлежащих к Антильскому архипелагу в Карибском

море. Взамен Стокгольм просили дополнительно предоставить французским купцам складочное право в самой Швеции, в Гётеборге. В июне 1784 г. Густав III во время личного визита в Париж обязался удовлетворить эту просьбу. Тогда же был заключен секретный союз, согласно которому королю была обещана вся необходимая помощь против любого агрессора. Если же Франция подвергнется нападению с моря, то такую помощь должна была оказать Швеция. Эти результаты визита короля стали, несомненно, его крупной дипломатической и политической победой — такое мнение разделяли многие в Европе¹⁵.

Некоторое сопротивление при утверждении новых соглашений с Францией оказал шведский Королевский совет (риксрод). Однако его членов удалось убедить доводами не только касавшимися перспектив шведско-французского политического сотрудничества, но и несомненной материальной выгодой обладания островом. Оказывается, там из местного сырья производилась дорогостоящая краска индиго, имелись хлопковые плантации, выпаривалась соль. Кроме того, небольшой островной порт Лориент можно было легко расширить, так как он располагался на берегу великолепной гавани, хорошо защищенной от гигантских океанских волн — а это давало возможность транзитной торговли между Европой и Америкой, а также работоторговли. Наконец, имелись планы превращения Лориента в свободную гавань. И Швеция, получив желанный остров, тут же приняла участие в заокеанской колониальной войне на стороне Франции.

В декабре 1784 г. из Гётеборга к острову Св. Варфоломея отправился корабль, на борту которого находился весь штат будущей колониальной администрации во главе с губернатором. В марте 1785 г. французы передали им всю казенную инфраструктуру острова и главное его оборонительное сооружение, которое тут же получило новое имя — форт Густав III. Прибывшие в том же году на остров два шведских купца, Я. Рёль и А. Ф. Хансен, имели королевские полномочия на создание торговой фактории, к чему они и приступили, располагая капиталом в 2000 далеров, полученных от казны. И тогда же на берегу упомянутого залива в западной части острова был заложен городок Густавия, а осенью весь остров был объявлен зоной порто-франко сроком на 10 лет¹⁶.

Время, которое Густав III выбрал для этой экономической акции, было как нельзя более удачным, так как остальная Вест-Индия на несколько десятилетий оказалась ввергнутой в борьбу между великими державами Европы. В 1783 г. США объявили независимость, после чего вход американских судов в гавани на островах, принадлежащих Англии, был закрыт. Ситуация еще больше обострилась с началом Наполеоновских войн. Англичане не только оккупировали французские владения в Новом Свете, но и блокировали датские и голландские островные гавани. Таким образом, остров Св. Варфоломея остался единственным свободным портом в этом регионе и вскоре, естественно, превратился в крупнейший международный центр торгового обмена в Западной Атлантике.

Но настоящий экономический и социальный расцвет острова наступил чуть позже, в 1790-х гг., когда революционное парижское правительство декларировало отмену рабства в Новом Свете. Во французских колониях Атлантики возник мятежный хаос, от ужасов которого многие европейские семьи бежали на остров Св. Варфоломея, единственный, кого совершенно не затронули социальные бури далекой Европы. Население его стало поэтому быстро увеличиваться, как и число горожан Густавии. Если на этом ранее совершенно необитаемом острове через два года после высадки шведов уже насчитывалось 348 постоянных жителей, то в 1788 г. их было 656, в 1796 г. — 2051, а в 1800 г. город поднялся до уровня Упсалы (5000 чел.). То есть заокеанская Густавия стала одним из крупнейших городов шведской колониальной империи.

Слух о новом шведском владении, расположенном в райском уголке Земли с его тучными землями и благословенным климатом, быстро распространился по всему королевству. Наибольший, хоть и весьма неожиданный резонанс он получил в Финляндии, где в ту пору крестьяне хронически голодали. Отсюда понятно, почему финнов быстро охватила настоящая переселенческая лихорадка (она так и называлась — *St. Bartelemy feber*). В шведские и финские портовые города хлынули тысячи крестьян, распродавших скудные пожитки и недвижимость в надежде попасть на любое судно, идущее к заокеанскому острову. Это были добровольные колонисты, готовые претерпеть тяготы морского путешествия и любые трудности первых лет на новой

земле. Однако правительство было попросту не готово обеспечить столь массовые перевозки и, главное, трудоустройство северных крестьян в тропиках. Поэтому с «Варфоломеевской лихорадкой» пришлось искусственно бороться, убеждая несостоявшихся колонистов вернуться домой, к привычным трудам на каменистой финской земле.

Несколько позже население острова все же стало расти за счет иммиграции — но на совершенно иной основе. Первые шведские чиновники застали там сравнительно малочисленное население: 458 европейцев различных национальностей и 281 цветного. Но как только Густавия получила статус свободной гавани, туда устремились не только коммерсанты, но и европейские ремесленники, мелкие торговцы, держатели кабаков и т. д., уверенные в том, что близ нового транзитного центра они внакладе не останутся. И впоследствии эти надежды вполне оправдались. Рост населения был отмечен уже в первый год нового статуса острова — к осени 1785 г. там осело уже 542 свободных граждан и 408 рабов. Пройдет совсем немного времени, и в 1800 г. общее число островитян превысит 6000 человек.

Социальный состав островитян был пестрым, то есть приблизительно соответствующим населению среднего торгового европейского города. Известно, что среди густавиан было 40 купцов-оптовиков и всего 17 розничных торговцев, что говорит о преобладании в коммерции главного города острова крупных торговых операций. Имелось 3 магазина, торговавших корабельными принадлежностями и 17 продуктовых, 8 гостиниц, 22 таверны, 5 школ. Лечили горожан 6 врачей, не считая фельдшеров-цирюльников. Это был цветущий город-порт. В 1800–1810 гг. сюда ежегодно заходило не менее 1330 судов, а товарооборот достигал 3 млн испанских талеров¹⁷. Такая динамика экономического роста напоминала золотую лихорадку американского Запада — и она была столь же переходяща.

Экономика города и острова не могла быть пущена на самотек. С первых лет перехода Св. Варфоломея во владение Швеции была ясна необходимость создания какой-то структуры, которая могла бы контролировать и направлять коммерцию и хозяйство колонии, заботясь о ее доходности для метрополии. Поэтому уже в 1786 г. королевская лицензия со сроком действия в 15 лет была дарована новой компании, по стандарту названной Вест-

Индской. Компания получила право на торговлю не только с островом Св. Варфоломея, но и с остальным Новым Светом, а также на участие в управлении островом. Она представляла собой акционерное общество, куда мог вступить любой швед. Цена общего пакета акций составила 80 000 рд, их приобрело 113 чел. Самым крупным акционером стал кронпринц (10% акций); число акций короля неясно, но известно, что он получал 25% от доходов компании. Впрочем, в чистом виде ему доставалось меньше: монарх нес значительные траты, обязавшись содержать за счет своей казны губернатора и чиновников, а также небольшой гарнизон Густавии.

Имелись определенные обязательства и у компании. Часть своих доходов она должна была расходовать на развитие инфраструктуры города и порта, его оборонительных сооружений, следить за исправностью плотин у солеварен, чистотой улиц и фасадных стен. Из привилегий компании основной было монопольное право на работорговлю, осуществлявшуюся между островом и Западной Африкой (главным образом Гвинеей). Этот вид коммерции был самым прибыльным, достаточно сказать, что если в Африке невольник стоил около 3 далеров, то в Вест-Индии покупатели платили 255 равноценных испанских талеров (цены 1815 г.). Как и в других компаниях, занимавшихся работорговлей, вместо денег шведы расплачивались с африканскими поставщиками «черного дерева» ромом и табаком, которые производились на острове.

Важно подчеркнуть, что эта отрасль островной коммерции носила почти исключительно реэкспортный характер. Эксплуатация рабского труда на остров Св. Варфоломея никогда не была особо значительной. Доставленных из Африки рабов тут же отправляли на Кубу. Именно там среди всех островов Карибского моря установился наивысший спрос на них и, соответственно, цены.

Шведская Вест-Индская компания занималась и более привычными для Европы коммерческими операциями. Из них наибольший доход королевской казне приносила торговля в военные годы. Так, в период с 1791 по 1799 г., в истории войн чрезвычайно богатый на события, чистая прибыль компании составила 1 993 724 талера. Но Густавии приносила доход и нелегальная торговля оружием, которая развернулась во время

англо-американской войны 1812–1820 гг. не менее, чем в годы южноамериканского национально-освободительного движения тех лет¹⁸.

Число судов, стоявших в тот же период у причалов Густавии, достигло 1500 — и это не считая множество тех, кто из экономии производил погрузо-разгрузочные работы на рейде, не выплачивая, таким образом, портовых сборов. Именно по причине возросшей доходности торговли в 1806 г. она целиком перешла к государству. При этом Вест-Индская компания утратила все свои привилегии, ее лидеры лишились мест в Государственной канцелярии, а права королевского губернатора острова значительно возросли. Государство начало использовать остров как дойную корову — в смысле экономики, которая неожиданно расцвела¹⁹.

Первая угроза правам Швеции на обладание островом Св. Варфоломея имела внешнеполитический характер. Как известно, в 1800 г., в условиях войны североамериканских колоний за независимость, Россия заключила с Данией, Швецией и Нидерландами конвенции о вооруженном нейтралитете для защиты торговли нейтральных стран любыми товарами (кроме оружия). Через год принципы вооруженного нейтралитета признали все европейские страны, кроме Великобритании, против господства которой на море он, собственно, и был направлен. Англичане вели себя так, как будто этой международной договоренности не существует. Они блокировали с моря Францию и ее колонии, разгромили датский флот в Зунде, а в марте 1801 г. подошли к острову Св. Варфоломея, предложив губернатору капитулировать.

Силы были неравны. Шведская казна, озабоченная прежде всего выколачиванием из острова прибылей, отпускала на его оборону буквально крохи. Поэтому в 1801 г. Густавия располагала «вооруженными силами», состоявшими из 35 солдат армии и 18 инвалидов гарнизона, а устаревшие крепостные орудия давно пришли в негодность. Поэтому перед лицом военного флота со многими сотнями морских пехотинцев на борту пришлось капитулировать. Высадившись на берег, англичане методично разграбили город. На корабли были погружены не только все товары, хранившиеся на складах компании, но и имущество частных лиц, купцов, владельцев магазинов. На торговых судах,

очутившихся на тот момент в гавани Густавии, были подняты английские флаги — теперь и они принадлежали королевскому флоту.

Правда впоследствии, параллельно с англо-французским Амьенским мирным соглашением 1802 г., Стокгольм и Лондон договорились о прекращении оккупации острова. Англия даже возместила связанные с ее нападением убытки, выплатив 9000 фунтов стерлингов. Но островитяне, осознавшие свою полную незащищенность в грядущих вооруженных конфликтах Европы, стали возвращаться на старую родину. Причем довольно массово — за 1802 г. население острова сократилось от 6000 до 5000 чел.

Однако в дальнейшем подобные инциденты не повторялись ни разу, даже во время войны Англии и США 1812–1815 гг., когда морские битвы происходили в непосредственной близости от колонии. Напротив, именно в эти годы Вест-Индская компания, ведя нейтральную торговлю с обеими воюющими сторонами, получала беспрецедентно высокие доходы — до 139 627 испанских талеров в 1815 г. Достаточно сказать, что в 1812–1814 гг. 1/5 всего экспорта США шла через Густавию — и это уже не говоря о прибылях государства от местных контрабанды и работорговли.

Впрочем, это был последний взлет колониальной экономики перед окончательным ее угасанием. В начале 1820-х гг. в связи с войнами С. Боливара Англия открыла свои вест-индские порты для американцев. Монопольное положение Густавии сошло на нет, и в 1823 г. Вест-Индская компания заработала лишь жалкие 1253 талера.

А затем начались природные катаклизмы в виде тайфунов, сокрушительных ураганов, уничтожавших плантации и постройки острова. Собственно, они случались и раньше, но были гораздо слабее. Достаточно сказать, что катастрофы 1837 и 1840 гг. унесли с собой сотни погибших. Поднялась новая волна эмиграции, вскоре население острова снизилось до 2500 чел. Их благосостояние падало. Это было связано с удешевлением сахара в Европе — его научились получать из собственного сырья, свеклы. К тому же во весь рост встала проблема рабочей силы для островных плантаций, связанная с рабовладением вообще.

В самой Швеции рабство было отменено в незапамятные времена. Тем не менее шведы-островитяне довольно быстро переняли обычаи соседних островов и Америки, не считая зазорным использовать людей в качестве рабочего скота. И самые образованные чиновники не составляли исключения — так, Х. Багге, губернатор Св. Варфоломея начала XIX в., сам имел 16 рабов и не препятствовал аукционным торгам, на которых выставлялись африканские невольники, бежавшие с других вест-индских островов. Причиной их притока были более человечные условия жизни в шведской колонии.

Итак, ранее рабочая сила была дешевой, так как рабов нужно было лишь кормить. Но в связи с общей либерализацией европейской общественной мысли первой половины XIX в. в Швеции поднялось движение за освобождение рабов. Решить эту проблему империи было непросто, так как невольники находились в частной, то есть неотчуждаемой, собственности плантаторов. Поэтому риксдаг принял решение об освобождении рабов путем их выкупа за казенные деньги. Эта кампания началась в 1846 г., когда за 241 раба их хозяевам было выплачено 19 991 рд, через год свободу получили еще 282 раба — за 24 699 рд. Немногочисленные оставшиеся невольники были выкуплены в 1847 г. Все эти люди пребывали пока на старых местах жительства и были согласны продолжать работать, но уже за деньги. Однако сахарное производство, и без того подорванное конкуренцией европейского продукта, новых расходов нести не могло и быстро свернулось.

Тем не менее колонисты упрямо пытались спасти свои хозяйства. Они стали высаживать ямс, бананы, ананасы, табак, расширять хлопковые поля. Все эти продукты успешно сбывались в Европе до середины 1850-х гг., когда цены на колониальные товары безнадежно упали, теперь уже из-за американской и азиатской конкуренции. И уже в 1862 г. губернатор Карл Ульрих шлет в Стокгольм доклад о пугающем росте обнищания всего островного населения. К тому же в 1852 г. Густавия почти полностью выгорела, а в огне погибло полтысячи человек. Это было грозное предвестье грядущих несчастий: в те же годы после почти 20-летнего перерыва возобновились природные катастрофы, начались вспышки эпидемий. Для помощи их жертвам государственное казначейство выплатило в 1858 г. 23 312 рд, через год — 21 684 рд, а в 1860 г. — 38 779 рд.

Это были весьма крупные суммы, и в 1868 г. риксдаг обратился к королю с предложением продать остров как приносящий убытки в среднем равные 20 000–25 000 крон в год. Прошло еще несколько лет, в течение которых империя пыталась найти путь к спасению своего тропического владения, впрочем безуспешно. Теперь с острова уезжали и шведы — если в 1831 г. здесь жило 2460 чел., то к 1876 число их сократилось до 793²⁰. Поэтому уже в 1877 г. Оскар II обратился к старому владельцу, французскому правительству, с предложением выкупить остров. Франция ответила принципиальным согласием. Оставалась последняя, но важная формальность — выяснение мнения на этот счет самих островитян.

К этому времени шведскоязычное население по большей части вернулось на старую родину, отчего увеличилась относительная доля католического элемента французского происхождения. Поэтому активная пропаганда в пользу Франции, которую среди островных франкофонов вели католические пасторы, находила живой отклик. В пользу именно такого исхода будущего плебисцита говорила и близость соседних островов архипелага — все они были французскими. Наконец, даже та часть шведов, что осталась на острове Св. Варфоломея, предпочла Францию своей скандинавской родине, которая явно стремилась от них избавиться. Результат выбора был, таким образом, предreshен. Из 352 чел., получивших право на голосование (из 2300 чел. населения) против перехода к Франции выступил лишь один человек²¹.

Новые хозяева острова выплатили в шведское государственное казначейство 320 000 франков. Эти деньги частью покрыли расходы на репатриацию шведов, частью были вложены в пенсионный фонд шведских чиновников, не пожелавших покинуть бывшую колонию. Сверх указанной суммы еще 80 000 франков были выделены Францией на неотложные ремонтные расходы в Густавии, которая в последние годы пришла в упадок.

Окончательная передача острова Франции произошла 16 марта 1878 г. В этот день на флагштоках городского совета (теперь уже мэрии) и форта Густав III был спущен желто-синий шведский флаг и под звуки Марсельезы поднят французский триколор.

Последняя заморская колония Швеции прекратила свое почти столетнее существование.

Закат же датской Вест-Индии был несколько иным. После кризиса 1783 г. большую часть торговых компаний было невозможно спасти. Но, поскольку правительственная и финансовая элита страны входила в число акционеров, то было решено погасить их убытки за государственный счет. И в 1786 г. Вест-Индская компания переходит в государственную собственность с целью ее ликвидации. При этом со всеми акционерами казна расплачивается государственными облигациями²². Такого заботливого отношения не было проявлено к рядовым колонистам, которых предоставили самим себе — в том числе в отношении снабжения и проблем, связанных с иностранной иммиграцией на острова.

К началу XIX в. число иностранных плантаторов постоянно росло, как и их экономическое и политическое влияние. Так, в 1821 г. они оказались в состоянии сместить датского губернатора Адриана Бенжамина Бентсона, который пытался передать все плантации исключительно в руки датчан²³. В то же время Шарлотта-Амалия, со своими 14 тысячами этнически крайне пестрого населения, теперь занимает по величине все еще шестое место среди датских городов. Островная колония после окончания Наполеоновских войн быстро возрождает свою экономику, чему не могло помешать даже монопольное право Копенгагена на вывоз всего сахара, производившегося в датской Вест-Индии. А в начале 1820-х гг. колонисты получили право сбывать сахар в Северную Америку без каких-либо налогов. К этому времени Дания получала ежегодно из этой колонии около 10 000 тонн сахара и множество иных колониальных товаров²⁴.

Но европейский экономический кризис 1820 г. хоть с опозданием, но докатился и до заокеанской колонии. Как упоминалось выше, в мире стало производиться много сахара (в Европе — свекольного), и цены на него упали вчетверо. Поэтому производство вест-индского тростникового сырца перестало окупаться. Владельцы плантаций стали разоряться: почти ни у кого из них не хватало средств даже на закупку продовольствия в США, — и рабы оказались на грани голодной смерти. Лишь теперь датская казна предоставила колонистам кредит на закупку питания, а островной губернатор А. Б. Бентсон самовольно повысил таможенные пошлины, что также давало какие-то средства. Кроме того, он выступил против чрезмерно

жестких условий копенгагенского кредита, публично заявив, что проценты будут выплачиваться по возможности, иначе основное (цветное) население островов вымрет, чего он допустить не может²⁵.

На островах было решено перейти к пастбищному животноводству. Иного выхода не было, но, как известно, скотоводство начинает оправдывать расходы не так быстро, как земледелие. Кроме того, оно требует значительных начальных инвестиций для закупки молодняка. Дания была не в состоянии предоставить дополнительных кредитов колонии, чей бюджет из доходного превратился в расходный. И если ранее необходимые средства давал вывоз рафинада, то теперь в Копенгагене остановилось большинство сахарных заводов. И тогда было принято более реальное решение: для того чтобы колония из убыточной вновь стала приносить прибыль, оставалось окончательно освободить коммерцию, сделав ее международной.

И в 1833 г. ликвидируется монополия на вест-индскую торговлю, что стало жестоким ударом по капиталу Копенгагена — город навсегда утратил свою функцию крупнейшего реэкспортного центра. Но это решение пошло на пользу государственной экономике. Впрочем, оставалась еще одна проблема. В 1834 г. Англия отменяет рабство в своих вест-индских владениях. Это становится причиной волнений (пока умственных) в датской Вест-Индии. Возможно, не без влияния этого фактора новый вест-индский губернатор Петер фон Шольтен старается по мере сил смягчить участь рабов — и это ему удается. В 1837 г. он установил границы, в которых рабовладельцы могут физически наказывать рабов. Негры же получили право собственности, а само понятие «раб» заменяется новым: «несвободный» (*дат. den Ufri*).

Предпринимаются попытки улучшить систему школьного образования для детей черных невольников. Уже через год копенгагенское правительство издает указ, согласно которому на всех трех датских островах Вест-Индии учреждаются школы для негритят. Все школьные заботы передаются датской общине протестантской секты гернгутеров, прекрасно с этой задачей справившейся без сколько-нибудь значительной помощи от казны. В 1847 г. король издает указ, согласно которому все дети рабов, родившиеся после его опубликования, объявляются

свободными, а через 12 лет рабство как таковое должно быть запрещено вообще.

Тем не менее положение «несвободных» цветных оставалось, очевидно, крайне тяжелым — об этом говорят волнения 1848 и 1878 гг. Первое из них началось на острове Сен-Круа и быстро переросло в открытый мятеж. Утром 3 июля 1848 г. тысячи рабов стеклись к стенам Фредерикстеда с требованием немедленного и полного их освобождения. Они захватили главное здание полиции и буквально снесли его, а затем блокировали город. После чего к ним вышел губернатор и, опасаясь разгрома города, объявил всем свободу. Тем не менее некоторые отряды восставших осаждали Кристиансстед, но были рассеяны артиллерийским огнем²⁶.

Таким образом, мятеж был подавлен. Однако это не означало, что были потушены все искры тлевшей неудовлетворенности цветного населения своим положением. Формально отношение «раб–рабовладелец» сменилось иным — «рабочий–работодатель». В реальности же к новой ситуации еще не созрели ни рубщики тростника, ни плантаторы. Поэтому без каких бы то ни было королевских указов или правительственных положений на островах установился порядок, схожий с крестьянским «выходом» в Московском государстве XI–XVII вв. То есть работник мог сменить место жительства и труда лишь раз в году. И даже внешне новая ситуация напоминала старую — среди резчиков тростника постоянно расхаживали надсмотрщики, и палки в их руках являлись отнюдь не только символами административной власти. На плантациях и перевозке тростника широко использовался детский труд.

Кроме того, если раньше хозяин был вынужден кормить раба, предоставлять ему жилье и минимальную медицинскую помощь, то теперь бывшие невольники должны были обеспечивать себя сами, получая совершенно недостаточные для этого средства. Результат можно было предвидеть: почти постоянное недоедание и эпидемии (желтой лихорадки и холеры) вели к стабильному падению численности цветной части населения. К середине XIX в. по этой причине, а также из-за нерентабельности производства на острове Св. Фомы плантации были ликвидированы. Причем создавалось впечатление, что с каж-

дым годом тревожная эта ситуация волновала официальный Копенгаген все меньше. Острова, конечно, ценили — но как заморскую территорию, которая еще может пригодиться. О людях же никто не заботился — к тому же из 40 000 островитян этническими датчанами были лишь члены нескольких десятков плантаторских семей, личный состав 2–3 солдатских рот, да еще более ограниченный контингент чиновников. И даже язык общения уже стал английским²⁷.

Поэтому идея продажи островов возникла вполне естественно при первом же серьезном затруднении, с которым встретились в очередной раз датская монархия. Речь идет о поражении во Второй шлезвигской войне 1864 г. На мирных переговорах прусская сторона настаивала на крупных территориальных уступках Дании в Шлезвиге и Южной Ютландии. Тогда немцам и было предложено отказаться от этих требований ценой уступки им Вест-Индских островов или Исландии, также входившей в состав датской монархии. Сделка эта не состоялась, но отнюдь не по вине датской стороны.

Через год схожее по смыслу предложение поступило от США. Президент А. Линкольн объяснил датскому послу В. Рослёфу, что в ситуации Гражданской войны северяне нуждаются в опорном пункте где-нибудь в районе Карибского моря, для чего как нельзя лучше подошел бы остров Св. Фомы, тем более почти обезлюдивший и датчанам реальной прибыли не приносящий. Если же Копенгаген уступит и остров Сен-Жан, то может рассчитывать на 5 млн долларов; соответствующая сумма предлагалась и за Сен-Круа.

Эта идея обдумывалась около 2 лет, а затем В. Рослёф, к тому времени ставший военным министром, добился согласия короля и правительства, доказав им, что деньги, которые можно выручить за острова, как воздух нужны для армейской реформы. Трактат был подписан в 1867 г., но сделка снова сорвалась. Теперь, при полном согласии риксдага и островного населения, против ратификации договора в 1869 г. выступили новый американский президент У. С. Грант и поддержавший его сенат.

В последующие годы еще более очевидным стал бесспорный факт: датская администрация островов не была в состоянии решить ни социальные, ни экономические проблемы насе-

ления. Администрация и Колониальный Совет, созданный еще в 1852 г., не могли справиться даже с последствиями ряда серьезных природных катастроф, нередких в этой части Атлантики. И заседания Колониального Совета не приводили ни к каким серьезным результатам — если не считать принятого в 1877 г. закона об обязательном школьном образовании для детей всех островитян — в том числе и цветных.

В 1878 г. на острове Сен-Круа вспыхивает очередное восстание. Крупные негритянские массы подавили полицейскую часть во Фредериксстедте и подвергли штурму местную цитадель, откуда по ним открыли ответный огонь. Город подвергся разрушению, поджогам и разорению частных жилищ. Белые колонисты искали убежища в храмах или на кораблях, стоящих в гавани. Мятежники, вооруженные оружием, найденным в арсенале Фредериксстедта, пытались занять форт, но солдаты гарнизона Кристиансстедта пришли на помощь осажденным и вытеснили мятежников из города.

Датским колонистам предлагали вооруженную помощь англичане, французы, американцы и испанцы, но королевская администрация от нее отказалась, полагая, что справится сама. Мятежников немилосердно преследовали, многие вооруженные группы были ликвидированы до последнего человека. Однако восставшие продержались до последних чисел ноября, когда из Дании прибыл фрегат с армейской поддержкой, что и решило их участь.

Между тем на колониальную политику все большее влияние оказывала активность датского общества. Очередной ее подъем был отмечен в 1901 г. В октябре этого года в Копенгагене собрался представительный форум из ученых, политиков и предпринимателей, на котором было создано общество Датские атлантические острова (*De danske Atlanterhavsoer*). Однако это был скорее просветительский, чем экономический или политический институт. Но на его заседаниях высказывались весьма гуманные идеи о необходимости социальных реформ и мер. Это было необходимо, подчеркивали они, для гарантии принадлежности островов Дании. Но эти меры были нужны и для прекращения негативных демографических процессов, так как за полвека численность населения упала с 40 000 до 30 000 чел., среди которых европейцы составляли

2%, а доля датчан среди последних по-прежнему оставалась вообще ничтожной²⁸. К этим рекомендациям прислушалось датское правительство; в результате в 1902 г. начались новые переговоры с американцами на старую тему.

Теперь США предлагают те же 5 млн долларов, но не за два, а за все три острова. Предварительный договор был подписан в том же году в Вашингтоне датским послом Константином Бруном. Однако и на этот раз трактат не был ратифицирован по результатам голосования уже не американского сената, а датского ландстинга (нижняя палата парламента). Причина была достаточно простой — депутаты находились под влиянием крупных акционеров и правления сравнительно молодой (1897), но перспективной Восточно-Азиатской компании.

Эта компания была организована судовладельцем и коммерсантом Х. Н. Андерсеном, занимавшимся поставками ценных пород дерева из Бангкока в Англию и другие страны. Ее владельцы и акционеры многого ожидали от строящегося Панамского канала, мечтая, что после этого Шарлотта-Амалия, оказавшись на скрещении атлантических торговых путей, станет неким Западным Сингапуром.

Причем это были не пустые мечтания. Восточно-Азиатская компания уже имела свои отделения практически по всему свету, включая Южную Африку, Австралию и Америку. И к тому времени, как Панамский канал вступил в эксплуатацию (1914), порт Шарлотты-Амалии был модернизирован по последнему слову техники, а через датскую Вест-Индию уже пошли суда компании, направлявшиеся из Европы к тихоокеанским портам США по Панамскому каналу. Товары из Америки снова, тем же путем, что и в старые времена, направлялись к берегам Африки, и не только Африки. Казалось, возродилась датская колониальная торговля, в которой по-прежнему не последнее место занимали Виргинские острова.

Однако жизнь островитян по-прежнему оставляла желать много лучшего — прежде всего потому, что именно они оказались вне международно-торгового процветания Шарлотты-Амалии, а отчасти и других вест-индских портов. Среди бывших рабов уже имелись свои лидеры. Один из них, Гамильтон Джексон, прибыл в 1915 г. в Копенгаген, где выступал в либеральных кругах, — тщетная попытка привлечь

внимание датского правительства к бедственному положению негров, среди которых вновь зрели мятежные планы. Единственным результатом этой поездки было откомандирование в Вест-Индию крейсера «Валькирия» с заданием находиться там, пока угроза бунта не исчезнет.

А осенью того же года к датскому правительству обратился Вашингтон с новым предложением купить острова. На этот раз заинтересованность американцев носила не столько экономический, сколько военно-политический характер. Дело было в том, что с открытием Панамского канала неизмеримо возросло стратегическое значение островов, и в США не без оснований опасались, что в условиях мировой войны (которой конца не было видно) немцы, так или иначе, попытаются овладеть датской Вест-Индией. Вашингтон, конечно, не мог допустить и не допустил бы появления близ американских берегов и Панамского канала такого опасного хищника, каким была кайзеровская Германия. Но это означало бы вступление США в войну, в чем они были отнюдь не заинтересованы²⁹.

Начались переговоры между двумя правительствами — естественно, тайные, как того требовало военное время. И в январе 1916 г. уже был готов предварительный договор, согласно условиям которого американцы должны были в обмен на владение тремя островами признать неотъемлемое право Дании на Гренландию (ряд американских радикальных политиков требовал передачи величайшего острова мира Соединенным Штатам, поскольку географически он относится к Американскому континенту). Кроме того, датчанам было гарантировано солидное возмещение за утрату островов — теперь уже 25 млн долларов.

Относительно других пунктов трактата разногласий не возникало — за исключением того, что американская сторона не признавала права датчан провести на островах плебисцит среди местного населения по поводу передачи его под эгиду Вашингтона. Впрочем, от этого пункта датчане отказались довольно легко — им было прекрасно известно, что островные негры проголосуют в пользу сделки. Они, как и белые, ждали от нее благоприятных для себя перемен: в последние десятилетия колонисты и жили-то почти исключительно на доллары, которые им платили за сахар-сырец американцы. Таким образом, переговоры близились к благополучному исходу.

Однако когда о самом их факте узнали политические круги Дании, разразился грандиозный скандал. Министры и лидеры крупнейших партий сочли себя глубоко оскорбленными тем, что уступка законных территорий королевства готовилась за их спиной и без внимания к мнению масс. В правительстве, руководстве политических партий и прессе участники переговоров именовались «лжецами», а вся начавшаяся бурная протестная кампания получила впоследствии в датской историографии имя собственное: «Вест-индский шторм». Он не утихал почти год, при этом четко определились позиции правящих партий: Консервативная и Народная партии были против сделки, Социал-демократия и Радикалы — за, а Левая партия Венстре вообще раскололась не две несогласные друг с другом части.

Дошло до того, что в нескончаемый скандал был вынужден вмешаться Кристиан X, монарх весьма терпимый и в политических конфликтах традиционно занимавший нейтральную позицию. Теперь он согласился взять на себя роль посредника, но при этом призвал оппонентов прекратить взаимные оскорбления и прийти к соглашению о «гражданском мире». Однако конфликт угас лишь после того, как в королевстве была принята новая конституция, согласно которой 14 декабря 1916 г. в стране был проведен плебисцит по вест-индской проблеме. В результате за продажу островов отдали голоса 283 000 избирателей, против — 158 000. После этого договор, получивший статус конвенции, был одобрен ригсдагом. Официальная же передача датской колонии США состоялась лишь 1 апреля 1917 г.

В этот день в истории Дании завершилась колониальная эра, длившаяся 250 лет.

¹ *Vibæk M.* Den danske Handels Historie fra de ældste Tider til vore Dage. København, 1932. S. 186 (далее — *Vibæk M.*, 1932).

² *Покшишевский В. В.* География населения зарубежных стран. Экономико-географические очерки. М., 1971. С. 39.

³ Подробнее о практике завоза рабов на остров см.: *Дридзо А. Д.* Датская Вест-Индия в конце XVII в. (остров Сент-Томас и его губернаторы) // Скан-

динавские чтения 2000 года. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2002. С. 244.

⁴ *Vibæk M.*, 1932. S. 189.

⁵ *Cedergreen Bech S.* Oplysningen og Tolerance, 1721–1784. København, 1965. S. 365–366 (далее — *Cedergreen Bech*, 1965). В целом мятежи аборигенов в колониальных владения Дании в Вест-Индии и Африке, начиная с первого из них (1664, в Гвинее), до последнего (1878, на Сен-Круа), продолжились, в общей сложности, 29 лет (*Petersen K.* Danmarkshistoriens Hvornår skete det fra istiden til 1960 år for år. København, 1969. S. 383 (далее — *Petersen*, 1969).

⁶ Danmarks Riges Historie 1699–1814 af E. Holm // Danmarks Riges Historie. Bd. V. København, 1903. S. 245 (далее — *Holm*, 1903).

⁷ *Nielsen A.* Dänische Wirtschaftsgeschichte. Jena, 1933. S. 297 (далее — *Nielsen*, 1933).

⁸ *Petersen*, 1969. S. 237.

⁹ *Petersen*, 1969. S. 238.

¹⁰ *Vibæk J.* Reform og fallit, 1784–1830. København, 1964. S. 117–119 (далее — *Vibæk J.*, 1964).

¹¹ *Vibæk M.*, 1932. S. 243.

¹² *Ibidem.*

¹³ Старый порт, находившийся тогда между столичной цитаделью и жилыми кварталами города, к тому времени обмелевший и технически устаревший, ликвидировали. Взамен было принято дерзкое решение развернуть строительство нового порта в акватории, находящейся между основной частью города и островом Амагер, расположенным к востоку от столицы. Отметим, что в дальнейшем, вплоть до нашего времени, копенгагенский порт сохранился в границах, очерченных в блестящем конце XVIII в. как бы «на вырост». Его площадь и через два с лишним века вполне достаточна для современных экономических потребностей страны и ее крупнейшего торгового центра, — факт в мировой истории портового строительства едва ли не уникальный (*Cedergreen B. S.* Københavns historie gennem 800 år. København, 1967. S. 145, 614).

¹⁴ *Vibæk M.*, 1932. S. 249.

¹⁵ *Платен К. Х. ф. Стединк.* Курт фон Стединк (1746–1837) — космополит, воин и дипломат при Людовике XVI, Густаве III и Екатерине Великой. СПб., 1999. С. 153.

¹⁶ *Sjögren B.* Ön som Sverige sålde. Uddevalla, 1966. S. 27 (далее: *Sjögren*, 1966).

¹⁷ *Ibid.* S. 30.

¹⁸ *Swärd O.* Latinamerika i svensk politik under 1810–1820-tiden. Uppsala, 1949. S. 49–52.

¹⁹ Svenskstad i Västindien. Gustavia på Saint Barthelemy i språk- och kulturhistorisk belysning av Gösta Franzen // Acta academiae regiae scientiarum upsaliensis. Bd. 16. Upsala, 1974. S. 13–14 (далее — *Franzen*, 1974).

²⁰ *Franzen*, 1974. S. 19.

²¹ *Sjögren*, 1966. S. 50.

²² *Hansen S. A.* Økonomisk vækst i Danmark. Bd. I: 1720–1914 // Københavns Universitetets Institut for økonomisk historie. Publikation № 6. København, 1972. S. 69 (далее — *Hansen*, 1972).

²³ *Petersen*, 1969. S. 262.

²⁴ *Nielsen*, 1933. S. 364.

²⁵ *Vibæk J.*, 1964. S. 446–447.

²⁶ *Skovmand*, 1964. S. 526.

²⁷ *Ibid.* S. 527.

²⁸ *Dybdahl V.* De nye klasser. 1870–1913. København, 1965. S. 503–504.

²⁹ *Rasmussen E.* Velfærdsstaten på vej. 1913–1939. København, 1965. S. 112.